

Об укреплении фундамента (основных начал) семейного закона¹

Н.Н. Тарусина, О.И. Сочнева

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

В связи с юбилеем Семейного кодекса Российской Федерации, конституционными поправками, ориентирующими законодателя и правоприменителя на соответствие и общих начал данного федерального закона, и его конкретных предписаний семейным ценностям, а также правилам современной законодательной техники, в доктрине и законопроектной работе актуализируются задачи по его необходимой корректировке – дефинированию ключевых понятий (прежде всего – семьи, члена семьи, брака и др.), фиксации форм и способов защиты субъективных семейных прав и интересов, отличных от заявленных в гражданском законодательстве, конструкций семейной дееспособности (не совпадающей по возрастным критериям и содержанию с гражданским аналогом) и обязанностей ребенка перед родителями (лицами, их замещающими).

Ключевые слова: семейный закон, общие начала, дееспособность, понятийный аппарат, формы и способы защиты семейных прав, принципы взаимоотношений родителей и детей.

Вхождение Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] в 30-летний юбилей, наряду с поздравлениями об успехах в деле правового регулирования семейных отношений, предполагает и активизацию размышлений о его совершенствовании. Именно активизацию, т. к. цивилистическая доктрина, разумеется, в течение всего означенного периода отнюдь не отличалась молчаливым согласием с фактурой Кодекса, а законодатель не отказывался от его корректировки. При этом, как известно, юридическая среда обитания семейных отношений формируется из нескольких стратегически значимых компонентов, среди которых «первую скрипку» представляют начала семейного законодательства, а вторую – юридические факты личного характера, которые доминируют над имущественными компонентами и определяют их содержание (или должны определять) как в означенных началах (общих положениях), так и в семейно-правовых институтах. Однако именно эти доминанты являются объектом «яблочного раздора» между представителями доктрины и законодателями: последние склонны к регулировке в основном

¹ Финансирование: ЯрГУ, VIP-015.

«имущественной материи» (причем нередко в угоду интересам гражданского оборота), в то время как представители науки семейного права видят немало пробелов и ошибок в семейно-правовом регулировании «материи» неимущественной природы и характера.

Объем предлагаемого текста не позволяет остановиться на «расшифровке» данной констатации подробно, но все же дает возможность этюдно продемонстрировать «картину» лично-правового бытия действующего семейного закона. Так, совершенно очевидно, что его начала («Общие положения») не отвечают ни современным требованиям законодательной техники, ни развивающемуся институциональному канону, подающему соответствующие сигналы. Во-первых, федеральный закон, конечно же, должен содержать информацию о понятийном аппарате, дефиниции ключевых понятий¹. Попытки их спроектировать и законодателями, и доктринерами предпринимаются, но пока не завершаются надлежащим образом. Впрочем, и перечень дефиниций, и их существенные признаки не имеют единого подхода. Ярким образцом подобного рода является многострадальная дефиниция понятия семьи: последнее либо объявляется вообще не способным к дефинированию, либо в него не включаются признаки, отличающие семью от смежных явлений и категорий. Например, отрицание такого признака, как совместное проживание, ведет к размыванию данного понятия, отождествлению его с другими вариациями семейных отношений. Нами в других работах предложено понимать под семьей (в ее нормативно-правовом аспекте) общность (союз) граждан, объединенных супружеством, родством, свойством, иждивением, проживающих совместно, ведущих общее домашнее хозяйство, проявляющих взаимную заботу друг о друге [19, 20]. Соответственно, должно быть оговорено, что член семьи сохраняет данный статус при временном проживании отдельно от семейного союза по уважительным причинам (забота о престарелых родителях, больных родственниках и других лицах, о малолетних родственниках/свойственниках; длительная командировка; обучение по образовательным программам, характер работы и т. п.). Следует зафиксировать и типы семьи: многодетная (с тремя и более детьми), неполная (при отсутствии одного из родителей или лица, его замещающего). И определение семьи, и закрепление ее основных вариаций необходимо, на наш взгляд, для правильного толкования и последующего применения не только семейно-правовых предписаний, но и норм социального и иного законодательства (недаром в регионах

¹ И не только он: этому требованию в настоящее время отвечает даже большинство не только региональных, но и локальных актов, что убедительно подтверждает, например, анализ локальных нормативных актов ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

предпринимаются попытки самостоятельно определить обсуждаемое понятие в целом или же его отдельные признаки¹).

Вторым, не менее ярким, образцом является, конечно, дефиниция брака. Мы неоднократно обращали внимание на удивительный факт: в учебниках по семейному праву определение предлагается и его версии не имеют принципиальных отличий, кроме чисто филологических (наша версия: брак есть юридически оформленный союз мужчины и женщины, заключенный с целью создания и поддержания семейных отношений и порождающий права и обязанности супругов), а в научных трудах превалирует позиция о невозможности и ненужности такого определения в законе ввиду социальной сложности явления. Однако конституционная поправка 2020 года (п. «ж»¹ ст. 72) зафиксировала один из ключевых признаков брака и создала, на наш взгляд, предпосылку для завершения работы по определению супружеского союза².

Что касается необходимого перечня понятий, то в него следует включить не менее двадцати позиций: определения понятия о семье и ее основных типах; браке; членах семьи; родственниках, близких родственниках, свойственниках; ребенке (квазидефиниция в норме ст. 54 СК РФ далеко не точна); матери (например: мать – женщина, родившая ребенка и связанная с ним кровным родством, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным законодательством (материнство при применении вспомогательных репродуктивных технологий), материнство которой зарегистрировано в установленном законом порядке) и отце (мужчина, связанный с ребенком родством первой степени, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным законодательством, отцовство которого зарегистрировано в установленном законом порядке); суррогатной матери; детях, оставшихся без попечения родителей; законных представителях ребенка; интересах ребенка (как потребностях, необходимых для его физического, психического, интеллектуального и нравственного развития [6]); опеки над детьми, усыновлении/удочерении, приемной семье; фактических воспитателях (наша версия: лица, принявшие на себя заботу о ребенке (фактическую опеку) без соответствующего юридического оформления); организациях для детей, оставшихся без попечения родителей; алиментах; фиктивных актах в семейно-правовой сфере – фиктивном браке, расторжении брака, разделе имущества, брачном договоре, родительстве, усыновлении/удочерении, опеке, соглашении об

¹ Например, в законе Кабардино-Балкарской республики (ст. 9): «Семья является коллективным хозяйствующим субъектом и обеспечивает собственную экономическую самостоятельность за счет совместного труда ее членов и иных источников дохода» [3].

² Поскольку до 2020 г. подобная фиксация отсутствовала, приходилось ссылаться на толкование нормы п. 1 ст. 12 СК РФ (о взаимном согласии мужчины и женщины), а для признания браков с иностранным элементом или заключенных за рубежом – на российский публичный правопорядок (ст. 167 СК РФ).

алиментах и др. (наша версия: акт с использованием предусмотренной семейным законодательством правовой конструкции с корыстной или иной целью, не соответствующей ее назначению и сущности (без цели создания семьи, заботы о ребенке, предоставления необходимого содержания и т. п. [21])¹.

Полагаем также необходимым, с учетом законопроекта П.В. Крашенинникова и др. о защите прав и интересов вдов участников СВО, состоявших в фактическом семейном союзе [9], скорректировать п. 2 ст. 1 СК РФ: «...незарегистрированный семейный союз мужчины и женщины (фактический брак) порождает правовые последствия в случаях, предусмотренных федеральным законодательством». При этом мы не солидарны с проектировщиками [4]² в части локализации такового признания исключительно в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], т. к. супружество (с любыми узаконенными его вариациями) – объект семейно-правового регулирования. Впрочем, вполне допускаем и расширение сферы такого признания, в том числе прижизненного, несмотря на жесткое противостояние по данному вопросу в цивилистике (даже и между авторами статьи [20, 15]).

В доктрине давно и вполне успешно разрабатывается конструкция семейно-правового договора – с его специфическими целями и содержанием [12, 13]. Безусловно поддерживая данную тенденцию, считаем целесообразным зафиксировать ее в семейном законе и конкретизировать соответствующий «ассортимент»: «В семейно-правовой сфере могут заключаться соглашения о браке, месте проживания ребенка при раздельном проживании родителей (лиц, их замещающих на законных основаниях), порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя, другого близкого родственника/свойственника, лица, замещающего родителей на законных основаниях, предоставлении материального содержания (алиментов) лицам, указанным в разделе V настоящего Кодекса, разделе общесупружеского имущества; брачный договор, договоры о суррогатном материнстве, опеке, приемной семье; непоименованные в настоящем Кодексе договоры, если они не противоречат его основным положениям (началам), а также цели, сущности и специальным условиям соответствующего семейно-правового института»³.

¹ Как видно из текста, мы не предлагаем формулировки всех дефиниций, а останавливаемся лишь на тех, которые трактуются в доктрине (или фиксируются в законопроектах) неоднозначно либо ошибочно.

² Комментарий данной правовой позиции предложен одним из авторов законопроекта в журнале «Семейное и жилищное право» за 2024 г. [9].

³ Относительно конструкции непоименованных договоров в доктрине согласия нет. Мы же полагаем, что подобная цивилистическая возможность не имеет противопоказаний для семейно-правовой сферы, позволяет следовать за развивающимися и

Не отвечают не только современным требованиям, но даже и классической технологии цивилистического законодательства нормы ст. 8 СК РФ о формах и способах защиты семейных прав. Видимо, законодатель, опираясь на закрепленные им же возможности правила ст. 4 СК РФ о субсидиарном применении к семейным отношениям гражданского закона, счел достаточным обращение к положениям ст. 12 ГК РФ. Между тем очевидно, что «защитные конструкции» субъективных семейных прав и интересов отличаются от тех, что предлагает материнская отрасль: немало специфики в судебной форме разрешения споров о семейном праве и установлении фактов, имеющих семейно-правовое значение (прежде всего – в смысле ключевых ориентиров – приоритета интересов ребенка, обеспечения интересов «слабой стороны» брачного союза и др., но также и в плане весьма нестандартных изъятий из общих правил гражданско-процессуального закона – вплоть до противоречия его нормам¹, ограниченном действии конструкции судебного мирового соглашения [22] и др.), отличается существенной спецификой признание актов недействительными (значительное ограничение действия классических последствий в образе двусторонней реституции, в том числе относительно недействительного брака, фиктивных семейно-правовых актов [11]), особое значение принадлежит деятельности органов опеки и попечительства и функционалу прокурора как участника процесса по семейным делам и т. д. Нуждается, на наш взгляд, в переосмыслении медиативная форма разрешения семейно-правовых конфликтов [14] (мы являемся сторонниками развития примирительных процедур при судах общей юрисдикции – в противовес медиации, чуждой российской традиции, по крайней мере в ее существующей версии). Необходима корректировка правила об исковой давности (ст. 9 СК РФ), в частности, по делам о разделе общесупружеского имущества – действующее классическое правило давно критикуется в доктрине (с предложением переноса

индивидуально предельно разнообразными вариациями семейных отношений, – разумеется, при обязательном условии соответствия «договорной фантазии» целям и принципам семейного закона.

¹ «Бестселлером» среди подобных примеров являются нормы ст. 24 СК РФ, которые в части процессуальной активности суда (его права самостоятельно, без требования сторон, разрешить вопросы о месте проживания ребенка и алиментах на него) «выключают» действие принципа диспозитивности и не соответствуют норме ст. 4 ГПК РФ. Напротив, правило ч. 2 п. 2 ст. 22 СК РФ, несмотря на целеполагание бракоразводной процедуры на сохранение брака с детьми, превозносит означенный принцип, категорически не разрешая суду отказать в удовлетворении иска, если одна из сторон после применения пассивной примирительной процедуры (отложения дела слушанием на срок до трех месяцев) настаивает на расторжении брака. В связи с этим вполне понятна позиция тех семейноведов, которые не видят смысла в судебном порядке расторжения брака при наличии на то взаимного согласия сторон (в том числе в связи с отказом суду принять решение по своему мотивированному усмотрению) [8].

акцента на момент прекращения брака, что сделает раздельное имущественное бытие бывших супругов более понятным и предсказуемым).

В продолжение темы об ограниченности возможностей субсидиарного применения ГК РФ к семейным отношениям следует особо подчеркнуть необходимость общего правила о семейной дееспособности различных субъектов семейного права – от взрослых до детей. Так, например, совершенно очевидно, что последние, в зависимости от возраста, обладают тем или иным ее объемом. И эти возрастные градации не совпадают с гражданско-правовым видением проблемы: до 10 лет мнение ребенка учитывается (в разумных пределах) при решении вопросов, затрагивающих его семейно-правовой статус, с 10 лет это происходит в обязательном порядке (кроме случаев, если это с очевидностью противоречит его интересам), конструкция согласия десятилетнего ребенка на совершение ряда актов (ст. 57 СК РФ) [7] и вовсе отдаляет семейно-правовые смыслы от гражданско-правовых [17]... Кроме того, наблюдаются нестыковки в реализации дееспособных начал несовершеннолетнего между СК РФ и ГК РФ, а также и внутри СК РФ [16]. Так, например, из «намека» правила п. 2 ст. 20 ГК РФ несовершеннолетний с 14 лет вправе принимать решение о месте своего жительства, а в СК РФ подобный «намеки» отсутствует, в том числе при конструировании норм о разрешении спора между родителями о месте проживания ребенка (ст. 24 СК РФ) и его статусе в целом (гл. 11 СК РФ). Норма п. 3 ст. 62 СК РФ утверждает самостоятельную возможность с указанного возраста отыскивать собственное (внебрачное) отцовство, а в предписании ст. 49 СК РФ иск об установлении отцовства можно предъявить лишь с восемнадцати лет. В той же норме п. 3 ст. 62 СК РФ имеется, на наш взгляд, загадочная формулировка о праве несовершеннолетних признавать и оспаривать свое родительство «на общих основаниях». А каких? Без ограничения возраста, с 14 лет, 16 лет?.. Нет полной ясности и об объеме дееспособности некоторых взрослых лиц, в частности, ограниченных в таковой: они не вправе быть усыновителями, опекунами, опосредованным образом (хотелось бы явным, конкретным) предусмотрены вариации относительно их родительского статуса (ст. 73 СК РФ), однако правило о реализации некоторых имущественных семейных прав (например, на заключение брачного договора) отсутствует, трактовка общих положений ГК РФ на данный счет разноречива (высказывается соображение о наличии подобного права – ввиду отсутствия прямого запрета в СК РФ, да и при определении аналогичной возможности несовершеннолетних лиц (до заключения брака) приходится прибегать к систематическому толкованию гражданского закона: обсуждаемое право появляется при двух условиях – разрешения на конкретный брачный союз и эмансипации [10].

Полагаем также необходимым закрепить в общих началах семейного закона принципы взаимоотношений родителей (лиц, их замещающих) и детей, в частности, положение об обязанности детей уважать своих законных воспитателей, подчиняться их решениям и праве обращаться за помощью к третьим (компетентным) лицам в случае неправомерности таковых решений (требований), а с 14 лет – самостоятельно в суд (означенные ранее элементы дееспособности несовершеннолетних позволяют это сделать). Соответственно, в этом случае гл. 11 СК РФ будет нуждаться в переименовании, а ее нормы – в конкретизации означенного принципа [18]. Впрочем, следует заметить, что сторонники данной позиции, к сожалению, по-прежнему не составляют большинства [5, с. 63–71].

Предложенные вариации корректировки основных начал СК РФ не исчерпывают всей проблематики, однако демонстрируют явную потребность в их разумном переосмыслении.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ. Часть 4 (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Закон Кабардино-Балкарской республики от 17.08.1996 г. № 21-РЗ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» (с изм. и доп.) // Кабардино-Балкарская правда. 1996. № 157. 21 августа.
4. Законопроект № 539969-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 29.12.2024).
5. Детское право / отв. ред. Н.Н. Тарусина. М.: Проспект, 2024. 616 с.
6. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.
7. Ильина О.Ю. Мнение и согласие ребенка при рассмотрении споров о его воспитании: формы выражения и правовые последствия // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования Российской Федерации О.Ю. Ильиной. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 485–489.
8. Ильина О.Ю. Особенности рассмотрения судами дел о расторжении брака по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 34–41.
9. Крашенинников П.В., Демкина А.В. Перспективы правового регулирования незарегистрированного в установленном порядке брачного отношения в законодательстве Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 15–18.
10. Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве. М., 2003. 143 с.

11. Микрюков В.А. Пределы аналогии в установлении правовых последствий фиктивного развода // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 6. С. 45–56.

12. Низамиева О.Н. Система договора семейно-правовой сферы // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 19–22.

13. Низамиева О.Н. Система договоров семейно-правовой сферы (начало) // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 10–13.

14. Сочнева О.И. О применении медиации к спорам, возникающих при раздельном проживании родителей с ребенком // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования Российской Федерации О.Ю. Ильиной. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 255–261.

15. Сочнева О.И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13. № 3. С. 394–405.

16. Тарусина Н.Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 17–32.

17. Тарусина Н.Н. Об актуальных вариациях конструкции согласия в семейно-правовой сфере // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 18–21.

18. Тарусина Н.Н. Ребенок как субъект семейного права: от пассивного до пассионарного восприятия возможного и должного // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 2. С. 158–171.

19. Тарусина Н.Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73, № 4 (161). С. 21–33.

20. Тарусина Н.Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364–381.

21. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78–84.

22. Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 40–48.

Об авторах:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

СОЧНЕВА Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», SPIN-код: 2913-8840, AuthorID: 644867, e-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru

On strengthening the foundation (basic principles) of the family law

N.N. Tarusina, O.I. Sochneva

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

In connection with the anniversary of the Family Code of the Russian Federation, constitutional amendments that orient the legislator and law enforcement officer to the compliance of both the general principles of this federal law and its specific prescriptions with family values, as well as the rules of modern legislative technology, the tasks of its necessary adjustment are being updated in doctrine and legislative work – defining key concepts (primarily – family, family member, marriage, and others), fixing the forms and methods of protecting subjective family rights and interests other than those stated in civil law, constructions of family capacity (which do not coincide in age criteria and content with their civil counterpart) and the child's responsibilities to parents (persons acting in their place).

Keywords: *family law, general principles, legal capacity, conceptual framework, forms and methods of protecting family rights, principles of parent-child relations.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

SOCHNEVA Olga – Senior Lecturer at the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, SPIN-code: 2913-8840, AuthorID: 644867, e-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Об укреплении фундамента (основных начал) семейного закона // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 26–34.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.